

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
В88

Серия «Эксклюзивная классика»

Pelham Grenville Wodehouse

THANK YOU, JEEVES!

Перевод с английского *Ю. Жуковой*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Печатается с разрешения The Trustees of the
P. G. Wodehouse Estate и литературных агентств
Rogers, Coleridge & White Ltd. и Andrew Nurnberg.

Вудхаус, Пелам Гренвилл.

В88 Дживс, Вы — гений! : [роман] / Пелам Гренвилл
Вудхаус ; [пер. с англ. Ю. Жуковой]. — Москва : Из-
дательство АСТ, 2018. — 256 с. — (Эксклюзивная
классика).

ISBN 978-5-17-088825-2

Легкомысленный Берти Вустер, самоотверженно пы-
тающийся решить матримониальные проблемы своего
друга, попадает в серьезную передрыгу. Но верный Дживс,
умница, эрудит и философ, как всегда, бросается на по-
мощь своему хозяину и находит выход из абсолютно без-
выходной ситуации.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-088825-2 © The Trustees of the Wodehouse Estate, 1934
© Перевод. Ю. Жукова, 2014
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

От автора

Это мой первый полнометражный роман о Дживсе и Берти Вустере, и это моя единственная книга, которую я хотел написать, не корпя за пишущей машинкой до ломоты в спине.

Нет, у меня и в мыслях не было диктовать ее стенографистке. Я не могу себе представить, как человек вообще может сочинять что-то вслух, лицом к лицу со скучающей секретаршей. И тем не менее многие писатели, не задумываясь, говорят: «Готовы, мисс Спелвин? Поехали. Тире нет запятая лорд Джаспер Мергатройд запятая тире сказала нет лучше напишите процедила Эвангелина запятая тире я бы не вышла за вас замуж запятая будь вы даже последний оставшийся в мире мужчина точка абзац тире ну что же запятая я не последний в мире мужчина запятая значит и говорить не о чем запятая тире ответил лорд Джаспер запятая саркастически крутя ус точка абзац день тянулся бесконечно долго».

Если бы я начал работать со стенографисткой, я бы все время с тоской представлял себе, что, записывая мои слова, барышня думает: «Нет запятая я решительно ничего не понимаю точка ведь слабоумный человек этот Вудхаус запятая дурдом буквально по нем плачет запятая а он разгуливает себе на воле и хоть бы что запятая как это возможно вопросительный знак».

Но я все же купил такой прибор, там вы говорите в микрофон, а ваши высказывания записываются на

воск, и с помощью этого прибора приступил к сочинению книги «Дживс, вы — гений!». Наговорив несколько пассажей, я решил послушать, как это на слух.

На слух это оказалось просто ужасно, никакими словами не передать. Я и не подозревал, что у меня назидательный, самодовольный голос школьного учителя, который вдалбливает в головы учеников азбучные истины. Он наводил тоску и скуку, вгонял в сон. Для меня это был настоящий удар, ведь я надеялся, если все будет хорошо, написать веселую книгу — полную добродушного юмора, смешную, беззаботную, и тут вдруг понял, что человек с таким голосом убьет всякий смех и всякое веселье на десять миль вокруг. Дать ему волю, так он разрешится очередной унылой драмой из сельской жизни, читатель, взяв ее в руки, только пробежит глазами первую страницу и тут же вернет книгу в библиотеку. Поэтому на следующий же день я продал прибор и почувствовал великое облегчение, как Старый Моряк, когда он наконец избавился от альбатроса. Так что теперь я возвращаюсь к испытанному, верному другу — пишущей машинке.

Пишу я свои романы и рассказы с наслаждением. Это когда я их обдумываю, мне кажется, будто солнце в небе померкло. И в самом деле, обдумывая сюжеты вроде моих, вы время от времени начинаете подозревать, что оба полушария вашего мозга и та его часть, которая именуется стволовой, серьезно повреждены. Прежде чем приступить к роману, я делаю не меньше четырехсот страниц набросков, и как раз на этой стадии в какой-то миг я неизменно восклицаю про себя: «Какого обаянья ум погиб!» Но странное дело: едва лишь я начинаю чувствовать, что все, пора выдвигать свою кандидатуру в сумасшедший дом, как вдруг раздается щелчок и наступает сплошной праздник и ликование.

Глава 1

ДЖИВС УВЕДОМЛЯЕТ ОБ УХОДЕ

Я был слегка встревожен. Ну, не то чтобы встревожен, скорее озабочен. Сажу себе дома в своей замечательной квартире, лениво перебираю струны банджо, которое я в последнее время буквально не выпускал из рук, и про мой лоб нельзя сказать, что он нахмурен, однако ж и утверждать с уверенностью, что он младенчески ясен, никто бы, я думаю, не решился. Пожалуй, точнее всего это выражение можно определить как печать задумчивости. Я размышлял о том, что попал в положение, чреватое неприятностями.

— Дживс, — говорю я, — знаете что?

— Нет, сэр.

— Знаете, кого я видел вчера вечером?

— Нет, сэр.

— Дж. Уошберна Стоукера и его дочь Полину.

— В самом деле, сэр?

— Должно быть, они в Англии.

— Такое заключение напрашивается, сэр.

— Некстати, правда?

— Могу себе представить, сэр, как вам было тяжело встретиться с мисс Стоукер после того, что произошло в Нью-Йорке. Однако, мне думается, вероятность подобной случайности чрезвычайно мала.

Я взвесил его слова.

— Дживс, когда вы начинаете рассуждать о вероятности случайностей, у меня в мозгу происходит корот-

кое замыкание и я перестаю что-либо соображать. Вы хотите сказать, что мне следует держаться от нее как можно дальше?

— Да, сэр.

— Избегать ее?

— Именно, сэр.

Я с чувством сыграл несколько тактов «Миссисипи». После того как Дживс высказал свое мнение, на душе немного полегчало. Ход его рассуждений был ясен: Лондон велик. Не встретиться с людьми, которых не хочешь видеть, здесь проще простого.

— И все равно, Дживс, я как будто обухом по голове получил.

— Могу себе представить, сэр.

— Мало того, с ними был сэр Родерик Глоссоп.

— Неужели, сэр?

— В том-то и дело, Дживс. А видел я их в ресторане отеля «Савой». Они ужинали за столиком у окна. И вот какая странная вещь: с ними ужинала тетка лорда Чаффнела, леди Миртл. Она-то как оказалась в этой компании?

— Возможно, сэр, ее светлость знакома или с мистером Стоукером и с мисс Стоукер, или с сэром Родериком.

— А, ну да, может быть. Тогда все понятно. Но в тот миг я удивился, Дживс, признаюсь вам честно.

— Вы разговаривали с ними, сэр?

— Кто, я? Господь с вами, Дживс. Я пулей вылетел из зала. Мало мне Полины Стоукер с ее папашей, так тут еще этот мерзкий Глоссоп, неужели вы могли вообразить, что я сознательно, по своей доброй воле вступлю с ним в разговор?

— Ваша правда, сэр, он никогда не был особенно приятен в общении.

— Если и есть на свете человек, с кем я постараюсь до конца жизни не вступать в беседу, так это как раз этот чертов Глоссоп.

— Забыл доложить вам, сэр, сэр Родерик приходил сегодня утром с визитом.

— Что?!

— Да, сэр.

— Приходил ко мне с визитом?

— Да, сэр.

— После того, что произошло между нами?!

— Да, сэр.

— Ну, знаете!

— Да, сэр. Я уведомил его, что вы еще спите, и он сказал, что придет позже.

Я рассмеялся. Весьма саркастически, это я умею.

— Ах вот как, позже? Ну что ж, если он и в самом деле придет, натравите на него собаку.

— У нас нет собаки, сэр.

— Тогда спуститесь на второй этаж и попросите миссис Тинклер-Мульке одолжить ее шпица. Наносит светские визиты после того скандала в Нью-Йорке! В жизни не слышал о подобной наглости! Дживс, вы слышали когда-нибудь о подобной наглости?

— Не скрою, сэр, в сложившихся обстоятельствах его появление меня весьма удивило.

— Еще бы не удивиться. Это просто черт знает что! Немыслимо! Невероятно! Надо же быть таким толстокожим, настоящий бегемот.

Сейчас я посвящу вас во все перипетии разыгравшихся недавно событий, и, я уверен, вы согласитесь, что мой гнев вполне оправдан. Итак, следуйте за мной.

Месяца три назад, заметив, что моя тетка Агата слишком уж разгорячилась, я счел за благо махнуть ненадолго в Нью-Йорк и переждать там, пока она успо-

коится. И буквально через несколько дней на вечеринке в «Шерри-Незерленд» я познакомился с Полиной Стоукер.

Я влюбился в нее с первого взгляда. Ее красота свела меня с ума, я был как пьяный.

Помню, вернувшись домой, я спросил у Дживса:

— Дживс, кто был тот парень, который глядел на что-то такое и сравнивал себя с другим парнем, который тоже на что-то глядел? Я учил это стихотворение в школе, но сейчас забыл.

— Думаю, сэр, индивидуум, которого вы имеете в виду, это поэт Китс, он, прочтя Гомера в переводе Чапмена, сравнил свои чувства с радостным волнением отважного Кортеса, который орлиным взглядом глядел на безбрежные просторы Тихого океана.

— Тихого — вы уверены?

— Да, сэр. А его матросы молча стояли на высоком берегу Дарьена и переглядывались в немом изумлении.

— Ну да, конечно. Теперь вспомнил. Так вот, именно такое волнение я испытал сегодня, когда меня представили мисс Полине Стоукер. Дживс, отгладьте брюки с особой тщательностью. Я нынче с ней ужинаю.

В Нью-Йорке, я всегда замечал, сердечные дела развиваются со скоростью урагана. Наверное, есть что-то такое в тамошнем воздухе. Через две недели я сделал Полине предложение, и она сказала «да». Казалось бы, все прекрасно, я на седьмом небе. Как вы думаете, сколько продолжалось мое счастье? Ровно два дня. Злодейская рука сунула под трансмиссию гаечный ключ, и двигатель заглох.

Злодей, который подкрался со своим гаечным ключом, был не кто иной, как сэр Родерик Глоссоп.

Вы, вероятно, помните, что в моих воспоминаниях довольно часто мелькает имя этого гнусного шарлатана. Башка у него лысая как коленка, густые развеси-

стые брови, выдает себя за маститого специалиста по нервным расстройствам, а на самом деле просто заштатный докторишко из желтого дома, хоть и дорогой; эта болотная чума уже много лет встает у меня на пути, и ни одна наша встреча добром не кончилась.

Вот и сейчас тоже: когда в газетах появились сообщения о моей помолвке, он как раз оказался в Нью-Йорке.

Спрашиваете, зачем он туда приехал? А он регулярно навещал троюродного братца Дж. Уошберна Стоукера, который был его пациентом. Братец Джордж всю свою жизнь только и делал, что отнимал кусок хлеба у вдов и сирот и под старость слегка притомился. Говорить стал темно и бессвязно, ходил же предпочтительно на руках. Сэр Родерик пользовал его уже несколько лет, для чего время от времени срывался в Нью-Йорк и производил инспекцию. На сей раз он прибыл как раз вовремя, чтобы за утренним кофе и яйцом всмятку прочесть о том, что Бертрам Вустер и Полина Стоукер планируют прошествовать к алтарю под «Свадебный марш» Мендельсона. И, как я понимаю, прямо с набитым ртом кинулся к телефону названивать невестинному родителю.

Какие именно слова он говорил Дж. Уошберну, я, конечно, не знаю, но, думаю, сообщил о том, что я некогда был помолвлен с его дочерью Гонорией, а он эту помолвку разорвал, убедившись, что я безнадежный идиот; пересказал, без сомнения, эпизод с кошками и рыбиной в моей спальне, а также эпизод с украденной шляпой, не забыл о моем пристрастии лазать по водосточным трубам, ну и, надо полагать, дело довершила проткнутая шилом грелка — эта злосчастная история произошла много лет назад, когда он гостил в поместье леди Уикем, а ее дочь Бобби подбила меня на эту авантюру.

Сэр Родерик — близкий друг Дж. Уошберна, к тому же Дж. Уошберн верит ему как Господу Богу, и потому этот шарлатан без труда убедил папашу, что я не тот идеальный зять, о котором он мечтал. Словом, мое счастье не продлилось и двух дней, меня известили, чтобы я не трудился заказывать полосатые брюки и покупать гардению в петлицу, потому что моя кандидатура отвергнута.

И вот теперь у этого негодяя хватило наглости явиться с визитом в дом Вустера. Как это понимать, я вас спрашиваю?

Ладно же, он у меня узнает, что такое ледяной прием.

Сижу себе, играю на банджо, и вскоре он является. Тем, кто хорошо знает Бертрама Вустера, известно, что он способен вдруг пламенно увлечься чем-то, и уж если увлекся — все, остальной мир для него не существует, он настойчиво добивается своей цели, безжалостный, как автомат. Так случилось и с банджо. После того ужина в «Альгамбре», когда несравненный Бен Блум и его «Шестнадцать балтиморских виртуозов» открыли передо мной прекрасный новый мир и я решил научиться играть на банджо, я прилежно занимаюсь по два часа в день. И сейчас я тоже извлекал из струн вдохновенные звуки, но дверь отворилась, и Дживс впустил в гостиную этого мерзкого шарлатана-психоаналитика, о котором я вам только что рассказывал.

С тех пор как Дживс уведомил меня о желании этого субъекта побеседовать со мной, я успел все обдумать и решил, что он раскаялся в своих поступках и считает долгом принести мне извинения. Поэтому когда Бертрам Вустер поднялся, чтобы приветствовать гостя, он был уже в своей смягчившейся ипостаси.

— А, сэр Родерик, — сказал я. — Доброе утро.

Более любезный тон трудно себе и вообразить. Поэтому представьте мое изумление, когда в ответ он

лишь хрюкнул, притом хрюкнул довольно злобно, тут никто бы не усомнился. Я понял, что поставил неправильный диагноз. Можно сказать, пальцем в небо попал. Это он-то раскаивается, это он желает принести мне извинения? Ха! Интриган глядел на меня с такой гадливостью, будто я — какой-то там возбудитель инфекционного слабоумия.

Ладно, если он пришел ко мне с таким настроением, именно так, черт побери, мы его и встретим. Моя доброжелательность испарилась. Я принял строгое выражение и высокомерно выгнул бровь. И только что хотел окатить его ледяным «Чему обязан честью...» и так далее, но он опередил меня.

— Вам место в психиатрической клинике!

— Прошу прощения?

— Вы представляете собой угрозу для общества. Посредством какого-то кошмарного музыкального инструмента вы, как выяснилось, превратили жизнь всех ваших соседей в форменный ад. А-а, вижу, вы и сейчас держите этот инструмент в руках. Как вы смеете производить подобные звуки в столь respectable доме? Настоящий кошачий концерт!

Я — ледяное спокойствие и гордое чувство собственного достоинства.

— Вы, кажется, сказали «кошачий концерт»?

— Сказал.

— Вот как? Так вот, позвольте... должен довести до вашего сознания, что человек, у которого нет музыки в душе... — Я подошел к двери и крикнул в коридор: — Дживс, что Шекспир сказал о человеке, у которого нет музыки в душе?

— «Тот, у кого нет музыки в душе, кого не тронут сладкие созвучья, способен на грабеж, измену, хитрость», сэра.

— Благодарю вас, Дживс. Способен на грабеж, измену, хитрость, — повторил я, возвращаясь.

Он сделал несколько шажков, как бы пританцовывая.

— Известно ли вам, что дама, живущая в квартире под вами, миссис Тинклер-Мульке, — одна из моих пациенток? У миссис Тинклер-Мульке чрезвычайно расстроены нервы. Мне пришлось прописать ей успокаивающее.

Я поднял руку.

— Прошу избавить меня от хроники жизни в дурдоме, — небрежно бросил я. — И позвольте поинтересоваться со своей стороны, известно ли вам, что миссис Тинклер-Мульке держит шпица?

— Вы бредите.

— Отнюдь нет. Это животное лает целыми днями, а иногда и чуть не всю ночь. И при этом у миссис Тинклер-Мульке хватает наглости жаловаться на мое банджо? Ну, знаете ли! Пусть сначала вынет шпица из собственного глаза, — изрек я библейски.

Здорово я его уел.

— Я пришел говорить не о собаках. Вы должны дать обещание, что немедленно прекратите терзать эту несчастную женщину.

Я покачал головой:

— Жаль, что она не понимает музыки, но искусство превыше всего.

— Это ваше последнее слово?

— Последнее.

— Прекрасно. Вы еще обо мне услышите.

— А миссис Тинклер-Мульке будет слушать вот это, — сказал я, подняв над головой банджо.

Потом нажал кнопку звонка.

— Дживс, проводите сэра Р. Глоссопа!

Признаюсь, я был очень доволен, что сумел даже ему дать отпор в этом столкновении воле. А ведь было время, и вы, наверно, его помните, когда неожиданное появление в моей гостиной старикашки Глоссопа обращало меня в трусливого зайца. Однако я с тех пор закалился в горниле жизни, и его вид уже не наполняет меня неизреченным ужасом. С чувством глубокого удовлетворения я исполнил «Кукольную свадьбу», «Поющих под дождем», «Заветные три слова», «Спокойной ночи, любимая», «Люблю тебя», «Весна, цветущая весна», «Чья ты, крошка?» и «Куплю себе авто с клаксоном, гудеть он будет ту-ту-туу...», исполнил в поименованном порядке, но последнюю песню допеть не успел: телефон зазвонил.

Я снял трубку и стал слушать. И чем дольше я слушал, тем упорней каменела решимость на моем лице.

— Очень хорошо, мистер Манглхоффер, — холодно отчеканил я. — Можете сообщить миссис Тинклер-Мульке и ее приспешникам, что я выбираю второе «или» вашей альтернативы.

И тронул кнопку звонка.

— Дживс, — сказал я, — у нас неприятности.

— В самом деле, сэр?

— На Беркли-Мэншнс, в уважаемом аристократическом сердце Лондона, назревает отвратительный скандал. Не вижу у живущих здесь людей желаний идти на взаимные уступки, и уж вовсе отсутствует дух добрососедства. Я только что говорил по телефону с управляющим нашего дома, он предъявил мне ультиматум. Сказал, или я прекращаю игру на банджо, или должен съехать.

— Неужели, сэр?

— Оказывается, на меня подали жалобы достопочтенная миссис Тинклер-Мульке из шестой квартиры,

подполковник Дж. Дж. Бастард, кавалер ордена «За безупречную службу», из пятой квартиры, а также сэр Эдвард и леди Бленнерхассет из седьмой квартиры. Ну и пусть жалуются, мне наплевать. Наконец-то мы избавимся от всех этих Тинклер-Мульке, Бастардов и Бленнерхассетов. Расстанусь с ними без сожалений.

— Вы планируете съехать, сэр?

Я вскинул брови.

— Дживс, неужели вы могли предположить, что я способен принять иное решение?

— Боюсь, сэр, что с той же враждебностью вы встретитесь всюду.

— Там, куда я поеду, ее не будет. Я хочу забраться в самую глушь. В мирном сельском уединении я найду себе коттедж и снова предамся занятиям музыкой.

— Как вы сказали, сэр, — коттедж?

— Да, Дживс, коттедж. Желательно увитый жимолостью.

И тут случилось такое, после чего меня можно было сшибить с ног легким щелчком пальцев. Наступило непродолжительное молчание, потом Дживс, этот василиск, которого я столько лет лелеял, если можно так выразиться, у себя на груди, слегка кашлянул и произнес совершенно немислимые слова:

— В таком случае, сэр, боюсь, я вынужден заявить об уходе.

Наступило тягостное молчание. Я в изумлении глядел на него.

— Дживс, — наконец произнес я, и если вы скажете, что вид у меня был ошарашенный, вы ничуть не ошибетесь. — Дживс, я не ослышался?

— Нет, сэр.

— Вы в самом деле хотите покинуть меня?

— С величайшим сожалением, сэр. Но если вы намерены играть на этом инструменте в тесном пространстве деревенского домика...

Я расправил плечи и вскинул голову:

— Вы произнесли слова «на этом инструменте», Дживс. И произнесли их враждебным брезгливым тоном. Должен ли я сделать вывод, что вам не нравится банджо?

— Не нравится, сэр.

— Но ведь до сих пор вы его терпели.

— С великими муками, сэр.

— Так знайте же, что люди более достойные, чем вы, терпели неудобства, в сравнении с которыми банджо просто цветочки. Известно ли вам, что один болгарин, такой Элия Господинофф, играл однажды на волынке двадцать четыре часа без передышки? Об этом рассказывает Рипли в разделе «Хотите верьте, хотите нет».

— Вот как, сэр?

— И вы наверняка думаете, что камердинер Господиноффа устроил своему хозяину по этому поводу обструкцию? Со смеху лопнуть можно. Они там, в Болгарии, сделаны из другого теста. Уверен, он с начала и до конца поддерживал своего хозяина, пожелавшего поставить рекорд среди стран Центральной Европы, и, уж конечно, постоянно приносил ему мороженое и разные вкусности для подкрепления сил. Берите пример с болгар, Дживс.

— Нет, сэр, увольте меня, прошу вас.

— Какого черта, Дживс, вы и так объявили, что увольняетесь.

— Правильнее было бы сказать: я не могу отступить от своего намерения.

— Хм.

Я задумался.

— Вы это серьезно, Дживс?